

Учение И. Канта о продуктивном воображении и теория неограниченного семиозиса У. Эко

Ануфриева Карина Викторовна

Кандидат наук

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

E-mail: carina-oops@mail.ru

Несмотря на изначальное невнимание к знаковой природе познавательных актов, Кант, как считает Эко, оказался теоретиком, чьи построения способствовали созданию последующих представлений о ничем не ограниченном семиозисе. Именно в семиотических идеях Ч.С. Пирса содержится, на его взгляд, продуктивное осмысление кантовского видения производства новых представлений о мире на базе учения о трансцендентальной способности воображения, схематизме рассудка и последующего анализа способности суждения. Прочтение Эко наследия Канта как предтечи конструктивного видения семиозиса культуры во многом избирает те ракурсы его интерпретации, которые интересовали неокантианцев, Хайдеггера, Гадамера, Арндт и других крупных теоретиков конца 19-го - 20-го столетия.

Эко не без основания заявляет, что в контексте "Критики чистого разума" центральной является тема трансцендентального обоснования возможности научного знания в том варианте, который представлен в механике И. Ньютона, вызывавшей искренний восторг кенигсбергского мыслителя. Проблема трансцендентального воображения, его схематизма рисуется Эко как вторичная и периферийная для этого произведения. Такой подход имеет свои резоны и может подкрепляться, например, тем обстоятельством, что популярное изложение кантовской теории познания в "Пролегоменах" не предполагало обращения к проблематике трансцендентального воображения и схематизма рассудка[2]. Зато, по мысли Эко, возвращение к этим сюжетам становится наиболее значимым моментом "Критики способности суждения", сфокусированной на создании эмпирических понятий, их схематики и способности суждения относительно уникальных феноменов социально-культурной реальности.

Эко полагает, что Кант открывает гносеологическую проблематику, которая имеет очень важное значение для осознания тех семиотических процессов, которые имеют место в культуре. Как всегда итальянский теоретик иллюстрирует свои теоретические подходы реальными примерами из области истории культуры. Известно, что Марко Поло, увидев носорога, принял его за единорога, чей образ был сконструирован в эпоху европейского средневековья. При этом, разумеется, схематика образа, потребовала существенной коррекции картины благородного мифического единорога как символа целомудрия и духовной чистоты. Иронизируя по этому поводу, Эко вопрошает относительно того, что могло бы случиться, столкнусь Марко Поло с еще более диковинным существом - утконосом. Именно такого рода курьезные случаи заставляют по-новому взглянуть на кантовское истолкование схематизма рассудка.

"Схема, - комментирует Эко кантовское понимание этой категории, - не является образом, поскольку образ - продукт репродуктивного воображения, в то время как схема - эмпирических концептов (также фигур в пространстве) - продукт чистой априорной способности воображения "так сказать, монограммы"[2]. Далее Эко замечает, что кантовское представление о схеме похоже на то, что понимается Витгенштейном под "картиной" - идентичной формой пропозиции и отображаемого ею факта. А если так, то в целом подобное понимание мышления должно вести к пересмотру его трактовки как только лишь применения чистых понятий к опыту, поскольку оно будет подразумевать еще и "диа-

граммическую репрезентацию". Тема схематизма, по Эко, находит свое органическое продолжение в "Критике способности суждения", когда Кант начинает подробно выяснять различие между определяющим и рефлексивным суждением. В этом плане можно говорить об "имплицитной семиотике" Канта.

Пирс, как известно, полагал, что только действия с объектом, предполагающие практические следствия, могут дать представления о нем. "Пирс, - замечает Эко, - пытается переформулировать, не выводя трансцендентально, кантовское понятие схемы"[2]. Значения знаков, используемых людьми, определяются сквозь призму практического действия, запечатлеваемого в высказываниях. Следовательно, значение может быть определено только частично и неполно. Эпистемологическая неполнота, гипотетичность представлений о мире предполагает постоянное обращение к новым интерпретантам знаков, неограниченный семиозис, который оказывается опирающимся на все новые и новые схемы обозначаемых объектов.

Соединяя тезисы герменевтики и структурализма с теоретическими воззрениями Канта и Пирса, Эко заявляет о неограниченности семиотического конструирования картины мира. Это означает, что само непрерывное изменение знаковой реальности, опирающееся на продуктивное воображение, должно порождать новые нормативные основания - коды прочтения знаков. Означающее, как постоянно подчеркивает итальянский автор коррелятивно определенным кодам и лексикодам. "Таким образом, - замечает Эко, - означающее все более и более предстает перед нами как смыслообразующая форма, производитель смыслов, исполняющийся множеством значений и созначений, благодаря корреспондирующими между собой кодами и лексикодами"[1]. Если коды диктуют исходные денотативные значения, то лексикоды или вторичные коды задают систему созначений, коннотаций, распознаваемых частью носителей языка.

Размышления Эко по поводу неограниченного семиозиса, возникающие на базе осмысления им наследия И. Канта и Ч.С. Пирса, предполагают единство игрового начала и сопряженной с ним нормативно-кодовой регламентации субъект-субъектной коммуникации, прямо связаны с его видением множественности культурных миров, открытости текста, перевода и интертекстуальности.

Источники и литература

- 1) Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. - М.: "Петрополис 1998. - 432 с.
- 2) Eco U. Kant and the Platipus. - L.: Vintage, 2000. - 464 p.